

RU

Специфика становления героя-бойца
в военной прозе 1940-1950-х годов

Овсянникова Е. П.

Аннотация. В статье рассматривается процесс становления героя-бойца в советской прозе 1940-1950-х годов, транслирующей традицию романа воспитания. Цель исследования – выявить специфические черты типа становления героя-бойца в повестях «Ночь полковника» Г. Березко, «Двое в степи» Э. Казакевича, «Алексей Куликов, боец» Б. Горбатова. Научная новизна обусловлена тем, что впервые в отечественном литературоведении обобщен и осмыслен процесс становления героя-бойца в советской военной прозе 1940-1950-х годов. В результате установлено, во-первых, что доминантой в формировании личности героя-бойца становится переосмысление отношения к чувству страха, вследствие чего мифологизируется бесстрашие и аккумулируется ненависть к фашизму. Во-вторых, традиция романа воспитания, преломляющаяся в военной прозе, испытывает влияние соцреалистического канона, однако реализуется в классическом жанровом виде. В-третьих, тип становления героя-бойца в военной повести 1940-1950-х годов базируется на устойчивых характеристиках соцреалистического романа воспитания: герой-боец, подобно герою соцреалистической литературы, устремлен в будущее и непременно растет к подвигу, бесстрашию, траектория его движения отличается схематизмом и заданностью, но образ самого героя подвергается некоторой степени демифологизации – становится более живым, имеющим право на ошибку, способным проявить слабость.

EN

The specifics of the formation of the soldier-hero
in the military prose of the 1940s-1950s

E. P. Ovsyannikova

Abstract. The article examines the process of the formation of the hero-fighter in Soviet prose of the 1940s-1950s, which transmits the tradition of the Bildungsroman. The aim of the research is to identify the specific features of the hero-fighter's formation in the novellas "The General's Night" by G. Berezko, "Two in the Steppe" by E. Kazakevich, and "Alexey Kulikov, Fighter" by B. Gorbatov. The scientific originality lies in the fact that the process of the formation of the hero-fighter in Soviet military prose of the 1940s-1950s has been comprehensively summarized and interpreted for the first time in Russian literary studies. The research found, firstly, that the dominant factor in the formation of the hero-fighter's personality is the reinterpretation of the attitude towards the feeling of fear, as a result of which fearlessness is mythologized and hatred of fascism is accumulated. Secondly, the tradition of the Bildungsroman, refracted in war prose, is influenced by the socialist realism canon, however, it is realized in the classical genre form. Thirdly, the type of hero-fighter formation in the war novella of the 1940s-50s is based on the stable characteristics of the socialist realist Bildungsroman: the hero-fighter, like the hero of socialist realist literature, is oriented towards the future and invariably grows towards heroism and fearlessness; the trajectory of his movement is characterized by schematism and predetermination, but the image of the hero himself undergoes a certain degree of demythologization – becoming more alive, having the right to make mistakes, and capable of showing weakness.

Введение

Актуальность исследования обусловлена необходимостью анализа отечественной военной прозы 1940-1950-х годов как важнейшей фазы формирования романа воспитания, который, как мы неоднократно указывали, развивается в русской литературе на протяжении более двух столетий (Осьмухина, Овсянникова, 2024а). Подчеркнем, что в связи с интересом в последние десятилетия отечественного и западного литературоведения

к жанру Bildungsroman (Демченкова, 2001; Краснощекова, 2008; Jacobs, 1972; Kirchner, 2008; Selbmann, 1984) осмысление традиции романа воспитания на русской почве, выявление генезиса и этапов его становления представляются весьма перспективными и своевременными.

Ключевыми задачами настоящего исследования стали следующие: выявить основные этапы пути становления героя; проанализировать особенности типа героя-бойца в произведениях Г. Березко, Э. Казакевича, Б. Горбатова.

Материалом статьи послужили произведения на военную тематику 1940-1950-х годов, продолжающие традицию романа воспитания, – «Ночь полководца» Г. Березко, «Двое в степи» Э. Казакевича, «Алексей Куликов, боец» Б. Горбатова. Подчеркнем, что нами сознательно были избраны тексты как крупных прозаиков, так и писателей «второго ряда», дабы продемонстрировать возможность проецировать нашу концепцию на весь пласт военной прозы.

Ключевыми методами нашего исследования являются, во-первых, метод целостного анализа художественного произведения, благодаря которому отечественная военная проза рассматривается в единстве поэтики и проблематики; во-вторых, сравнительно-исторический метод, который позволил нам сопоставить образы героя-бойца в повестях избранных прозаиков.

Теоретическую базу нашей статьи составляют, во-первых, работы, посвященные феномену романа воспитания, причем не только М. М. Бахтина (1975), предложившего концепцию Bildungsroman, но и литературоведов, в русле бахтинских изысканий осмысливающих традицию Bildungsroman на материале русской и зарубежной литературы (Демченкова, 2001; Краснощекова, 2008; Пашигорев, 2005); во-вторых, отечественные и западные исследования феномена соцреализма (Биберган, Богданова, 2024; Гюнтер, 2000; Clark, 2000; Gunther, 1990), в которых описан процесс формирования соцреалистического канона и выявлены его особенности.

Практическая значимость статьи состоит в том, что ее материалы, результаты и общие выводы могут быть использованы в вузовских курсах теории литературы, истории русской литературы, спецкурсах и спецсеминарах, посвященных общим вопросам теории жанра, жанровой специфике романа воспитания, а также соцреалистической словесности.

Обсуждение и результаты

Становление бойца в военных повестях 1940-1950-х гг. идет по строго заданному пути – от робкого и несмелого новобранца к бесстрашному бойцу. Подобная «заданность» воспитательного пути протагониста неизменно отсылает к соцреалистическому канону, в котором замечено преобладание субжанра – «романа фигуры» (Осьмухина, Овсянникова, 2023; 2024а; 2024б). Запрограммированность судьбы героя, подчинение ее всеобщей цели могли бы навести на мысли о реализации этого субжанра в военных повестях, однако основным критерием, не позволяющим с убежденностью говорить о фигурализме, становится сам тип героя – не тип, но индивидуум. При всей внешней типизации процесса воспитания, «герой развивается из самого себя (перевод наш. – Е. О.)» (Meixner, 1971, S. 35). Даже Алексей Куликов в повести Б. Горбатого, чье становление своим схематизмом и пропагандистским пафосом, на первый взгляд, транслирует развитие не личности, но соцреалистической идеи, в начале повести предстает не фигурой, наделенной всеми необходимыми коммунистическими добродетелями, а живым человеком – «беспомощным, жалким, одиноким» (1954, с. 150), готовым заплакать. Через повесть проходит процесс становления не идеи, но личности, процесс, который характеризуется в первую очередь душевным ростом протагониста. Поэтому полагаем, что динамика жанра романа воспитания в 1940-1950-х гг. заключалась в следующем: наблюдалось инерционное влияние соцреалистического канона и его субжанра – «романа фигуры», однако оно выразилось исключительно во внешних формах повестей, их схематизме и «заданности» пути развития героя; сама же сущность субжанра в военных повестях не была реализована.

В этой связи для более убедительного обоснования нашей позиции обратимся к одному из ключевых этапов на пути становления героя – эпизоду первого боя или боевого задания. В военных повестях это событие для персонажа становится обескураживающим моментом столкновения юношеской бравады и реальности войны с ее ужасающей жестокостью. В самом начале своего пути личность протагониста характеризуется противоречивостью чувств: мечтательная восторженность и готовность пожертвовать жизнью смешаны с растерянностью и невольным страхом перед неизвестностью, внешняя же бравада тщательно скрывает внутренний липкий страх. Так, Николай Уланов («Ночь полководца» Г. Березко), при напускной смелости, выказанной наивным хвастовством перед Машей о добровольном зачислении на фронт («Понимаете, я не мог спокойно слушать сводки» (Березко, 1972, с. 9)), испытывает тайное облегчение при мысли, что в ближайшие дни боя не будет, а Сергей Огарков («Двое в степи» Э. Казакевича), только-только переведенный в штаб армии и желающий доказать всем, «что он не лыком шит и способен на настоящие дела» (Казакевич, 1990, с. 269), при первом отступлении старается «придать своему румянному безусому лицу важный и серьезный вид, чтобы люди, идущие по дороге, не считали его испуганным и жалким беглецом, стремящимся оказать подальше от немца, а понимали, что он едет с важным и ответственным поручением» (Казакевич, 1990, с. 266). Вся история Огаркова, представленная в повести в самом начале до его первого важного боевого задания, вскрывает в нем целый спектр черт неокрепшей личности: от честолюбия и амбициозности к своеправию и переменчивости. Примечательно, что незрелость героя также проявляется и в повести Б. Горбатова «Алексей Куликов, боец», произведении начала войны, по времени наиболее близком к канону соцреализма. Однако в этой повести незрелость – особого порядка, соцреалистическая. Главный герой глядит на войну глазами сельского жителя,

который досаждает на то, что не успели снять урожай, само же военное время представляется ему недолгим и нестрашным. В первом бою он испытывает беспомощность и растерянность – чувства, чуждые каноническому герою соцреализма. Малодушные, страх или же душевная слабость героя являлись нехарактерными для канонических текстов соцреализма – протагонист, хотя и мог «сбиваться с пути» в идеологическом смысле, но а priori был наделен внутренней решительностью, отчаянностью, почти мифическим бесстрашием и героизмом – достаточно вспомнить Павку Корчагина (Н. Островский. «Как закалялась сталь»), Женю Сизова (Б. Полевой. «Горячий цех»), Лену Гребневу (А. Караваева. «Лена из Журавлиной рощи»), Саню Григорьева (В. Каверин. «Два капитана»). Вновь оговоримся, что это может быть объяснено тем, что для канона соцреализма характерен роман-фигуры, и, соответственно, герой-фигура, в основу которого изначально заложены необходимые неизменные характеристики; развитию и формированию же подвергалась исключительно идея. В военной прозе этот субжанр не реализуется, поскольку на первый план выходит воспитание не идеи, а самой личности героя.

Возвращаясь к эпизоду первого боя / боевого задания, отметим, что в большинстве случаев герой остается один на один с испытанием (т. е. из повествования в самый первый ответственный момент удаляется его окружение, он теряет его, не видит) – автор намеренно механически изымает его из среды однополчан или новобранцев. Лишенный какой-либо возможности опереться на товарищей в пиковый момент, он получает возможность совершить самостоятельный выбор. Выполняя боевое задание, Огарков («Двое в степи») теряет дорогу и, плутая у Павловского хутора среди выстрелов и разрывов мин, испытывает панический страх. В результате он вынужден вернуться в штаб армии, так и не доставив дивизии приказ об отступлении. Одиночество испытывает и Николай Уланов («Ночь полководца») накануне первого боя, в тот момент, когда громкие заявления наконец уступают место осознанию. Но осознание это оказывается настолько неожиданным, что герой чувствует себя «обманутым обстоятельствами» (Березко, 1972, с. 37). Такой прием позволяет наиболее ярко высветить конфликт в душе героя, который и явится толчком дальнейшего его развития. Напомним, что, по канону соцреализма, одиночество являлось своеобразным наказанием за ошибку героя, вступившего на путь исправления или коммунистического становления. В военных же повестях наблюдаем, что одиночество становится маркером, высвечивающим слабые стороны протагониста, которые впоследствии будут подвергаться воспитанию. Таким образом, можно говорить о том, что канонические черты соцреалистического героя в романе воспитания, наложенном на военную прозу 1940-1950-х гг., несколько размываются.

Первый бой в военных повестях актуализирует философский, экзистенциальный подтекст – освобождение протагониста от страха смерти. Причем от страха смерти освобождает непосредственная близость к ней, ее проживание, прямое соприкосновение. В военной повести 1940-х годов тема смерти выступает ключевым механизмом инициации героя, задавая траекторию его взросления. Особенно важной в развитии героя становится реализация эсхатологической границы (Осьмухина, Овсянникова, 2024b) – формирование бойца оказывается невозможным без преодоления страха смерти, а потому первый бой обнажает этот страх, выводит его наружу, последующие же бои – дают возможность побороть его. Потому беззвучный крик Куликова «Ведь это ж так просто и меня убить могут?» (Горбатов, 1954, с. 149) отзывается в других повестях таким же неожиданным осознанием своей смертности (Березко, 1972, с. 40; Казакевич, 1990, с. 277). Эсхатологическая граница в становлении героя фиксирует предельную точку его бытия. Эта планка столь высока, что все дальнейшие компромиссы, с которыми ему придется сталкиваться в своем развитии, будут регулироваться ею – в частности, способность мужественно защищать родину будет напрямую зависеть от преодоления этой границы, от постижения свободы бесстрашия. Однако этому непременно предшествует символическая смерть героя, экзистенциальный переворот его внутреннего «я» – устойчивый мотив романа воспитания. Роль переживания эсхатологической границы в военных повестях сводится к умалению героя до состояния беспомощности. Именно это состояние в становлении бойца является своеобразным моментом «обнуления» его представлений о самом себе и войне, точкой невозврата, с которой начинается воспитание мужественности героя, а впоследствии и постижение условного мифического бессмертия в своей готовности умереть. Так, Алексей Куликов, побеждая в бою страх смерти, начинает верить, что с этих пор «не прорвется к его горлу смерть, огненной черты не переступит» (Горбатов, 1954, с. 152). В самом деле, в финале, когда он дерется на перевале в составе малой группы «день и ночь», то только с приходом подмоги понимает, что «он весь изранен и окровавлен» (Горбатов, 1954, с. 186). Уланов в повести «Ночь полководца» начинает искушать судьбу в бою и испытывает ликование и «неведомое доселе счастье полного бесстрашия» (Березко, 1972, с. 78).

Кроме того, осознание смертности – собственной и товарищей – переводит персонажа из состояния частного опыта в режим коллективной ответственности: индивидуальная мотивация – как правило, это стремление выжить – замещается целеполагающей – выполнить боевую задачу и защитить родную землю. В поэтике военных повестей на уровне сюжета пограничные эпизоды – первый бой, первый обстрел – выполняют функцию испытаний, в результате которых герой получает новый статус: он перестает быть новобранцем, закинутым на фронт волею судьбы, и становится бойцом – непосредственным участником, интегрированным в ход военных событий и внутренне принявшим необходимость борьбы. Так, характер бойца в Алексее Куликове проясняется в разговоре с Леонидом Внуковым, в котором он высказывает новое кредо: «Нет той чести больше, чем на войне бойцом быть» (Горбатов, 1954, с. 166). Рождение бойца в Николае Уланове происходит после первого выстрела в бою, после чего он предстает перед Лукиным решительным, «как бы готовым сражаться и умереть» (Березко, 1972, с. 147). Желание подвига в Сергее Огаркове пробуждается в момент выбора между соблазном бежать и желанием сразиться с немцем: «Какое это счастье, – подумал он, – быть убитому не своей, а вражеской пулей» (Казакевич, 1990, с. 296). В результате тема смерти в корпусе повестей 1940-1950-х гг. не столько проблематизируется, сколько нормируется – она служит этической пробой героя, инструментом финальной интеграции его в коллектив

и в ход военных действий. Тем самым принятие смерти как предельной, но оправданной реальности войны становится ключевым в процессе становления бойца. Таким образом, в повестях наблюдается движение героя от преодоления страха к мотиву почти мифического бесстрашия, готовности умереть.

Безусловно, конечная точка воспитательного пути протагониста свидетельствует о влиянии канона соцреализма, в котором наблюдалась тенденция к мифологизации характерных черт героя. Соцреалистический контекст реализуется в повестях также следующим образом: на войне герой обретает свое предназначение, смысл жизни, – страх в том числе преодолевается через чувство своей нужности в бою и в ходе войны вообще. Каждый человек становится необходим не как индивидуальность, а как маленькая часть слаженного работающего механизма, а потому, как правило, война для героя оканчивается невозможностью вернуться – он интегрируется в военную семью, весь смысл его жизни сосредотачивается в ее естественном ходе и становится естественным для него самого. То есть для поэтики военных повестей этой поры характерна финальная интеграция героя. Неслучайно поэтому Алексей Куликов, еще недавно израненный в бою, в финале все так же служит в батальоне, а уточнение автора «тут его знают все» указывает, что батальон отныне – его семья (Горбатов, 1954, с. 187). Николай Уланов вступает на бесконечную дорогу «долгих маршей и трудных побед» (Березко, 1972, с. 219), а Сергей Огарков спустя три года отважно командует саперной ротой.

Возвращаясь к замечанию о влиянии соцреалистического канона на военную повесть 1940–1950-х гг., необходимо отметить: очевиден некоторый схематизм повествования, однотипность этапов взросления героя. Подобно тому, как в протоканонической и канонической фазах соцреализма романский нарратив представлял собой смену устойчивых мотивов, в военных повестях также наблюдается следование определенным этапам в развитии персонажа. Характерная для повестей 1940–1950-х гг. заданность воспитательной программы и устремленность ее в неизменно положительное будущее героя свидетельствует о действии канона соцреализма. Кратко рассмотрим этапы взросления.

Для начального развития героя, как уже оговаривалось выше, характерна подчеркнутая незрелость, герой испытывает иллюзии относительно войны – он не способен оценить события трезво, а потому склоняется либо к браваде, как Огарков или Уланов, либо, как Алексей Куликов, ожидает, что война будет скорой и легкой. Мир их на этом этапе настолько мал в масштабах предстоящих событий, что ограничивается домом и хозяйством (Горбатов, 1954, с. 149), недавней учебой в химическом училище (Казакевич, 1990, с. 268) и школе связи (Березко, 1972, с. 9). И если последние двое (безусый Огарков и миловидный Уланов) – юнцы, едва выучившиеся, то Алексей Куликов производит впечатление более зрелого молодого человека, живущего хозяйством и мыслями об урожае, который из-за призыва не доведется собрать. Однако всех этих героев объединяет личностная незрелость – непонимание войны и своего места в ней. Можно сказать, в этой житейской наивности, выросшей на фундаменте локального человеческого мирка, и кроется особенность героя романа воспитания – “*tabula rasa*”. Ему еще предстоит расширить этот мир до масштабов целой страны и своего народа, но для этого ему необходимо будет стать бойцом.

Инициальной ступенью в развитии персонажа является первый бой или первое боевое задание. Смысл этого периода заключается в дестабилизации прежнего беззаботного состояния героя. Именно на этом этапе наиболее ярко проявляется его незрелость, однако немаловажным является и то, что вскоре он сам обнаруживает и осмысливает ее. Прямую учительскую функцию, которая в романе воспитания отводилась герою-наставнику, на себя в военных повестях берет война. Но это не означает того, что тип становления героя-бойца предполагает полное выключение наставника из воспитательного процесса, однако его роль несколько уменьшается: по большей части теперь он наставляет бессловесно, своим мужеством и героизмом. Так, в повести «Ночь полководца» герой осмысливает свое внутреннее состояние в сравнении с Горбуновым: «Он испуганно поглядывал на Горбунова, спокойно ходившего среди деревьев, громко отдававшего приказы. Этот необыкновенный человек, одинаково недоступный, казалось, для страха и для страданий, заставлял Николая еще сильнее переживать свою беспомощность» (Березко, 1972, с. 71). Примерно то же чувство отрезвления в бою испытывает и Алексей Куликов, еще недавно вздрагивавший от каждого выстрела и безвольно ожидавший скорой смерти: увидев рядом бойца, стрелявшего в фашистов, он вдруг осознает, что сам не сделал еще ни одного выстрела (Горбатов, 1954, с. 152). В повести Казакевича ясность в сознание Огаркова вносят не трибунал и приговор, но слова майора: «Мы потеряли эту дивизию» (1990, с. 284). В этом заключен переход от убежденности в собственной невиновности, жалости к себе – к самоосуждению и готовности нести ответственность за свой поступок: «Только теперь эти, как казалось ему раньше, отвлеченные слова наполнились понятным и страшным содержанием. “Значит, это я убил вас, мои дорогие?” – шепотом спросил Огарков у медленно вставшей перед его глазами вереницы лиц и имен. <...> Все, что произойдет, – должно произойти, потому что это справедливо» (Казакевич, 1990, с. 284).

Важным на этом этапе становится реализация мотива двойничества, который, к слову, был характерен для героя модернистского романа воспитания (А. Белый. «Петербург»; Е. Замятин. «Мы»). Однако если в последнем посредством этого мотива происходило высвобождение хаологического начала личности, демонстрировалась множественность ее сознания, ведущая к последующему распаду и символической смерти, то в военных повестях функцией мотива двойничества, можно полагать, является демонстрация герою со всей ясностью его внутреннего раскола и требование едва ли не мгновенного нравственного выбора. В повестях этот выбор сопряжен с крушением юношеских иллюзий. Так, Уланов («Ночь полководца» Г. Березко), еще в начале призыва наивно похваляющийся своей отвагой, накануне первого боя переживает личностный разлом: «Казалось, в нем жили теперь два различных человека, обособленных один от другого. Первый думал и решал, как того требовали честь, достоинство, дисциплина; второй только слушал и смотрел, инстинктивно реагируя на окружающее» (Березко, 1972, с. 43). Двойничество в повести Э. Казакевича служит способом саморефлексии –

стоя над убитым пулеметчиком, Огарков оценивает свой проступок как бы глазами другого человека: «Ему в этой жаре и трупном запахе казалось, что он – совсем не он. И мучается он здесь вместе со всеми потому, что некий офицер связи Огарков, посланный передать им приказ об отходе, струсил, и они тут все погибли из-за него. И он с тоской и ненавистью думал об этом офицере – об Огаркове – о себе самом» (1990, с. 302).

Мотив двойничества преодолевается в повестях, как указывалось выше, через осознанное самоопределение героя, как правило, положительное. Потому следующий этап взросления связан с соцреалистическим мотивом дарования протагонисту второго шанса. Стоит отметить, что помимо основной функции этого мотива в каноне соцреализма – демонстрации возможности и, главное, необходимости перековки протагониста в идеологическом плане, – в военных повестях искупление происходит исключительно «на деле», поэтому чаще всего дарование герою второго шанса проявляется в нарративе контрастом двух действий: прежнего малодушия и последующего подвига. Так, Алексей Куликов спустя несколько месяцев после призыва предстает перед читателем «суровым воином, обстрелянным и обветренным» (Горбатов, 1954, с. 166), а в финале повести совершает подвиг на перевале, Уланов уверенно стреляет во врага в новом бою, Огарков после смерти Джурабаева, получив свободу и возможность выбора, принимает решение ехать в штаб не как «жалкий беглец, убегаящий от смерти, а человек, сознающий свою вину и готовый держать за нее ответ» (Казакевич, 1990, с. 316).

Заключительный этап формирования бойца в повестях представлен, как правило, интеграцией героя в военную семью через укоренение в своем предназначении на войне. Так, в повести «Ночь полководца» осознание Улановым себя частью военной семьи связано с тяжелым ранением генерала Рябинина: «“Комбат умирает!.. – ужаснулся Уланов. – Как это случилось? И что с моим батальоном?” – впервые, кажется, подумал он так – безотносительно к своей личной судьбе. Но, оказывается, он до сих пор был озабочен преимущественно своим участием в войне – на остальное у него как-то не оставалось времени» (Березко, 1972, с. 109). Впоследствии он становится фронтовым поэтом, то есть окончательно интегрируется в военную среду. В финале повести «Двое в степи» Огарков храбро участвует в сражениях в качестве командира саперной роты, Алексей Куликов в повести Б. Горбатова служит в батальоне старшим сержантом – «тут его знают все» (1954, с. 187). Очевидно, что этот этап неотрывно связан с соцреалистическим мифом о «большой семье» – герой расширяет свой изначально маленький индивидуальный мирок до масштабов коллективного мира людей, сражающихся за родину, и становится его неотъемлемой частью.

Заключение

В результате исследования мы пришли к следующим выводам.

Прежде всего сжатые временные сроки трансформации героя-бойца в военной повести создают эффект сопоставления двух разных личностей – незрелой вначале и осознанно бесстрашной в конце. Именно так герой не просто формируется, но меняется до неузнаваемости, становится как бы противоположным изначальному себе. Огарков («Двое в степи»), повторимся, из боязливового бахвальца превращается в молчаливого храброго воина, Уланов, плачущий накануне первого боя, в финале становится опытным бойцом, встречающим новобранцев, Куликов («Алексей Куликов, боец»), мысленно сетующий во время призыва на то, что приходится покинуть дом, не успев собрать урожай, обретает этот дом в каждой землянке, блиндаже, окопе, яме. Здесь возникает соблазн подумать, не реализуется ли традиция романа перевоспитания в военной повести благодаря такой радикальной перемене. Поясним: такую фабулу нельзя отнести к последнему, поскольку, даже оказываясь прямо противоположным самому себе в начале пути, герой не перевоспитывается – вспомним, что изначально его мировоззрение сформировано не было и на первых страницах повестей он предстает перед читателем как “*tabula rasa*” (для жанра романа перевоспитания основополагающей чертой является изначально сформированный герой, который подвергается перековке в процессе взросления). Примечательно, что сопоставление, в котором герой дается в начале и в конце повести, может быть дано в виде «кольца». Так, в повести «Ночь полководца» история, закольцовываясь, мифологизируется и тем самым выносится за временные рамки. Уланов, едва вступив в ряды подкрепления, встречается на станции опытного лейтенанта, спокойного и ленивого в своих движениях в опасной близости предстоящего боя, но ничего, кроме незрелых смешанных чувств зависти и обиды, он не испытывает. В финале же он сам встречается новобранцев уверенным и опытным солдатом. Выход Уланова на новую дорогу «долгих маршей и трудных побед» символизирует новый виток этого кольца; самим же закольцовыванием нарратива история Уланова переносится в надвременный план и демонстрирует универсальность воспитательной модели для каждого бойца. Наконец, заключим, что в военных повестях, транслирующих тип становления героя-бойца, отмечается уход от устойчивых субжанров соцреализма – романа перевоспитания и романа «фигуры» – к классическому типу.

Перспективой исследования может стать, на наш взгляд, анализ еще одного весьма примечательного типа героя в военных повестях, тяготеющих к традиции *Bildungsroman*, – героя-командира.

Материалы исследования | Research materials

1. Березко Г. С. Ночь полководца. М.: Воениздат, 1972.
2. Горбатов Б. Л. Военные годы: повести, рассказы, очерки. М.: Советский писатель, 1954.
3. Казакевич Э. Г. Сердце друга. М.: Воениздат, 1990.

Источники | References

1. Бахтин М. М. Роман воспитания и его значение в истории реализма // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975.
2. Биберган Е. С., Богданова О. В. Концептуальные стратегии пост(соц)реализма (роман А. Тургенева «Чтобы бог тебя изнутри разорвал на куски!») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. Вып. 2. <https://doi.org/10.30853/phil20240077>
3. Гюнтер Х. Жизненные фазы соцреалистического канона // Соцреалистический канон / под общ. ред. Ханса Гюнтера и Е. Добренко. М.: Академический Проект, 2000.
4. Демченкова Э. А. «Подросток» Ф. М. Достоевского как роман воспитания: жанр и поэтика: автореф. дисс. ... к. филол. н. Челябинск, 2001.
5. Краснощекова Е. А. Роман воспитания. Bildungsroman на русской почве: Карамзин, Пушкин, Гончаров, Толстой, Достоевский. СПб.: Изд-во Пушкинского фонда, 2008.
6. Осьмухина О. Ю., Овсянникова Е. П. Специфика структуры Bildungsroman в фазе протоканона соцреализма // Научный диалог. 2024а. Т. 13. № 2. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-2-321-344>
7. Осьмухина О. Ю., Овсянникова Е. П. Функциональная роль границы в жанровой традиции романа воспитания (на материале модернистской прозы 1910-1920-х гг.) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024б. Т. 17. Вып. 1. <https://doi.org/10.30853/phil20240006>
8. Осьмухина О. Ю., Овсянникова Е. П. Черты фигурализма в поэтике романа В. Каверина «Два капитана» // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2023. Т. 24. № 3-2. <https://doi.org/10.25991/VRHGA.2023.3.3.034>
9. Пашигорев В. Н. Роман воспитания в немецкой литературе XVIII-XX веков. Генезис и эволюция: дисс. ... д. филол. н. Ростов н/Д, 2005.
10. Clark K. The Soviet Novel: History as Ritual. Bloomington – Indianapolis: Indiana University Press, 2000.
11. Gunther H. Education and Conversion: The Road to the New Men in the Totalitarian Bildungsroman // The Culture of the Stalin Period / ed. by H. Gunter. L., 1990.
12. Jacobs J. Wilhelm Meister und seine Brüder. Untersuchungen zum deutschen Bildungsroman. München: W. Fink Verlag, 1972.
13. Kirchner A. Wilhelm von Humboldt – Theorie der Bildung des Menschen. Weinheim – München: GRIN Verlag, 2008.
14. Meixner H. Romantischer Figuralismus: kritische Studien zu Romanen von Arnim, und Hoffmann. Frankfurt am Main: Athenäum Verlag, 1971.
15. Selbmann R. Der deutsche Bildungsroman. Stuttgart: J. B. Metzler Verlag, 1984.

Финансирование | Funding

- RU** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-01007, <https://rscf.ru/project/23-18-01007/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского.
- EN** The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation № 23-18-01007, <https://rscf.ru/en/project/23-18-01007/>; Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky.

Информация об авторах | Author information

- RU** Овсянникова Екатерина Павловна¹
¹ Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского, г. Санкт-Петербург;
 Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, г. Саранск
- EN** Ekaterina Pavlovna Ovsyannikova¹
¹ Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky, St. Petersburg;
 National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk

¹ ovsyannikova-kate@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 13.09.2025; опубликовано online (published online): 01.11.2025.

Ключевые слова (keywords): отечественная военная проза; традиция Bildungsroman в военной прозе; типология становления героев в советской прозе 1940-1950-х годов; традиции соцреализма в военных повестях; творчество Г. Березко, Э. Казакевича, Б. Горбатова; Soviet military prose; Bildungsroman tradition in military prose; typology of hero formation in Soviet prose of the 1940s-1950s; traditions of socialist realism in war stories; works of G. Berezko, E. Kazakevich, B. Gorbato.